

Анатолий Алексин

Перелистывая годы

Книга воспоминаний

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(2)

Алексин, А.

Перелистывая годы. Книга воспоминаний: Биографический роман / Анатолий Георгиевич Алексин. — Москва: ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021. — 550 с.

ISBN 978-5-521-74283-7

Книга воспоминаний классика советской литературы писателя Анатолия Алексина «Перелистывая годы» рассказывает о встречах с известными людьми искусства, литературы, кино, политики. Эти воспоминания представляют собой фрагменты писательского блокнота, как говорит автор: «Былое, ожившее в сердце и памяти», одни новеллы записаны «с голоса», другие дала автору сама жизнь. Эта книга рассказывает об Иосифе Сталине, Никите Хрущеве и Георгии Жукове, о Михаиле Горбачеве. Автор вспоминает Самуила Маршака, Александра Фадеева, Александра Твардовского, Расула Гамзатова и Льва Кассиля, Валентина Катаева, Булата Окуджаву, Переца Маркиш и Давида Маркиша. Но главное место в этой книге воспоминаний отведено женщинам, которые были рядом со знаменитыми и известными — о Наталье Сац, о Грейс Келли, о Лии Соломянской, Марии Мироновой, Клавдии Шульженко, Агнии Барто и о самых главных женщинах в жизни Анатолия Алексина — жене Татьяне и дочери Алене.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© Текст. А. Г. Алексин,
наследники, 2021

ISBN 978-5-521-74283-7

© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021

Вместо предисловия

Едва Лев Николаевич присел на крыльцо своего яснополянского дома, как в щеку ему вонзился комар. Толстой прихлопнул его ладонью, а стоявший рядом толстовец Чертков принялся нудить: «Вот вы, Лев Николаевич, учите нас не противляться злу, не ранить, не убивать... А сами убили живое существо — и на щеке у вас кровь!» Толстой ответил толстовцу:

— Не живите так подробно.

Вспоминаю этот случай, описанный очевидцем, потому что хочу последовать совету гения: не перемалывать вновь и подробно всю свою жизнь, а воссоздать лишь то, что, мне кажется, заслуживает воссоздания.

На художественность в этом случае не захожу, а хочу именно перелистать прожитое и поведать прежде всего не о своем бытии, а о событиях, которые, думается, воспроизводят важные приметы Времени, о знаменитых людях, которых — по деяниям их — знали весь бывший Советский Союз, вся Россия, а то и весь мир, и с которыми я был, как говорится, лично знаком.

Знаменитые — это отнюдь не всегда замечательные. Известность приносят и свершенное добро и, увы, свершенное зло, если они масштабны. А иногда в действиях знаменитостей непостижимо перемешаны свет и тень, теоретическое стремление к возвышенным целям и безнравственная неразборчивость в средствах. Пусть факты и люди предстанут такими, какими я их увидел. Зрение мое кому-то может показаться не вполне точным, даже искаженным. Что ж, на снайперство я тоже не претендую. Но постараюсь быть справедливым...

Перелистывая годы, я не буду верен законам последовательности, хронологии, а буду подчиняться, что поделаешь, своеволию памяти.

Но все это — мои личные воспоминания... Они являются собой лишь страницы писательского блокнота, который предпочитает язык фактов, конкретности — пусть суховатый, но зато не отвлекающий от сути реальных событий, личностей, встреч.

Однако блокнотные страницы перемежаются новеллами и короткими повестями. Это тоже главы воспоминаний, но чаще они принадлежат как бы не мне, а тем, от чьего имени ведется повествование... Можно сказать, что они записаны мною «с голоса» чужих исповедей. Но и когда новеллы звучат «от третьего лица» — это все равно исповеди, это «тоже из жизни». Все сюжеты, даже самые невообразимые, загадочно соединившие в себе страшное и смешное, рождены реальностью, которая столь часто фантастичнее самой изощренной фантастики. Не случайно книга открывается новеллой «Рентген»: я пытаюсь высветить те недуги, те потрясения, горестные и счастливые, те ошеломившие меня высокие и низменные

ВМЕСТО
ПРЕДИСЛОВИЯ

своеобразности характеров, поступков, с которыми свела жизнь. Нет, пожалуй, точнее сказать иначе: в своих новеллах и повестях я пытаюсь помочь самим читателям с рентгеновской пристальностью взглянуться во все это...

Надеюсь, не покажется нескромностью то, что я, в связи с вышесказанным, процитирую слова писателя и бесстрашного воителя за права людские Льва Разгона: «Анатолий Алексин, как правило, воздерживается от тяжко-окончательной оценки даже тех, кому после его детального нравственного исследования можно было бы поставить диагноз: злокачественно, неизлечимо. Писатель предоставляет право ставить моральные диагнозы читателям, потому что полностью доверяет их умению не только отличать добро от зла, но и устанавливать “степень виновности”».

Новеллам и повестям, логично, мне думается, соседствующим с блокнотными записями, я здесь даю те имена, те названия, кои возникали не позже, не потом, а когда я внимал исповедам собеседников. Иные не совпадут с названиями в моих сборниках рассказов и повестей. К тому же, для этого издания я некоторые главы воспоминаний доработал и дополнил.

«Я встретил вас — и все былое...» Тютчевская строка звучит для меня эпитафией к этим воспоминаниям. «Я встретил вас...» — обращаюсь я к дням и годам.

Былое, ожившее в сердце и памяти, — это и есть моя книга.

Рентген

С голоса

Когда-то, в озорном детстве я упала и расшибла коленку. «До свадьбы заживет», — успокоила меня мама. Но предсказание не сбылось... Коленка застилала обиду — и через тридцать лет (когда свадьба давно уж стала воспоминанием!) она неожиданно и злокачественно воспалилась. И решила покинуть меня... вместе со всей ногой.

«Придется ампутировать!» — радуясь отсутствию разногласий, заявил врачебный консилиум.

Я навзрыд захлебнулась кашлем.

— С вами это часто случается? — осведомился глава консилиума.

— Что? — сквозь кашель пробилась я.

— Вот это...

Он как бы указал пальцем на мой кашель.

— В последнее время... часто, — прорывалась я сквозь удушье.

— Что вы называете последним временем?

— Примерно полгода. И без видимой причины.

— Если причина невидима, надо сделать рентген.

Рентгена страшатся... И того, который высвечивает физические недуги, и того, что обнажает заболевания характеров, людских отношений. Но если второй, психологический, рентген, думала я, условен и с ним можно спорить, то первый, медицинский, неопровержим и потому, случается, беспощаден. Он устанавливает диагноз, либо подтверждая опасения, либо их отвергая. Но людям-то свойственно предполагать худшее. Поэтому просвечивать свой организм они отправляются, как на экзамен, исход которого от них не зависит.

У меня рентген обнаружил как раз то, что считается самым страшным: метастазы в легких. Разбитая в детстве коленка решила покинуть меня не только вместе с ногой, но и вместе со всей моей жизнью.

По отношению к себе самой я слыла фаталисткой: чему быть, того не обойдешь и не объедешь даже на самой изворотливой «иномарке» (в заграничное у нас искони верят больше и трепетней, чем в свое). Советуя «перепроверить» отечественный рентгенокабинет, в котором было установлено трагичное будущее, мои мужчины — муж и оба сына — настаивали:

— Просветись на новейшем японском оборудовании. Проверься на современной немецкой аппаратуре...

Словно более современное оборудование обеспечивает более обнадеживающие диагнозы! Я была убеждена, что родной рентген по-родственному сказал мне правду: какие секреты от близких?

Ранее отечественные врачи также по-родственному упреждали, что никотин — это яд, способный убить лошадь. Но я относилась эту опасность исключительно к лоша-

дям. И бесстрашно насыщалась ядом, столь опасным для них.

«Вон Черчилль уничтожал себя сигарами, похожими на ракеты, а не какими-то щуплыми сигаретками, но жил — не дотянул, а именно жил! — до девяноста», — прибегала я к аргументу, коим самоутешались многие фанатики курева. И в этом случае зарубежный авторитет казался выше авторитетов отечественных. Еще и потому, что он был для меня более выгодным. Мы часто верим в то, во что приятнее верить...

— Уинстон Черчилль, стало быть, повинен в двух войнах: в холодной — с политическим организмом планеты и в никотинной — с физическим организмом доверчивого человечества, которое так любит обманывать само себя. Не много ли жертв в результате тех войн?! — сказал как-то мой муж, любивший сопоставлять исторические примеры с житейскими. — Вот и ты... Коленка не случайно ударила именно в легкие!

«И спасибо ей, что ударила: не прыгать же мне на одной ноге!» — молча, про себя ответила я.

Результаты просвечивания были, как сообщил мне онколог, «положительными». Он исповедовал американскую (вновь иноземную!) «откровенность с пациентом в любых случаях»: организм-де мобилизуется для отчаянной схватки. Хотя главное для американцев в такой ситуации, думала я, не вздыбить сопротивление, а вовремя сочинить завещание и все заранее распределить. Мне же завещать было нечего... кроме любви и забот, которых мои мужчины могли лишиться. Мне чудилось, что я нарекла супруга и двух сыновей «моими мужчинами» еще до их появления в моей жизни.

Злокачественные заболевания все переворачивают вверх тормашками — представления о земных ценностях, земной суете и даже привычные определения: «положительный» результат исследований — это значит приговор, «высшая мера», будто за вину с отягчающими обстоятельствами, а результат «отрицательный» — освобождение от несправедливых наказаний. Прятаться от смерти я вовсе не собиралась... Думы о ней, а они посещают каждого, приводили меня к одной-единственной тревоге: как же они, мои мужчины, вдруг останутся без меня?

— Ты приучила их к неприспособленности, незащитности. И возишь их в коляске, подобно младенцам, — ласково, без раздражения упрекала когда-то покойная мама. Раздразниться она не умела и считала для себя унижением. Сберегая стрессы внутри, она вроде бы накопила взрывчатку, которая и обнаружила себя необратимым инфарктом.

Из трех моих мужчин самым самостоятельным был младший, сын Виктор. Сперва мы именовали его Витиком. Но от нежного Витик вскоре само собой образовалось прозвище Винтик. Так его стали звать сверстники... Анти-сталинская убежденность моего мужа не выдержала:

— Винтиками людей называл тиран!

Не знавший этого Винтик взбунтовался против политически оскорбительного обращения с его именем — и сделался Виктором. До полновесно-взрослого имени пожелал дотянуться и характер младшего сына. Виктор был сообразителен, находчив в защите своих интересов и скрупулезно практичен, — мы ликовали: среди «новых русских» не пропадет!

Второй сын, Алеша, был мечтательным и хронически в кого-то влюбленным: то в девочку из соседнего класса, то из соседней квартиры, то из соседнего дома... В каждом конкретном случае он был однолюбом — и не желал делить свое внимание к девочке с вниманием к наукам, книгам и домашним обязанностям.

Впрочем, кроме предмета страсти (всегда, безусловно, последней!), Алеша постоянно любил и меня. Мне — одной на земле! — доверял он сокровенные тайны, которые были очевидны для всех окружающих. Алеша еще не понял, что любовь никуда не запрядешь — и всякий раз был романтически убежден, что в курсе лишь мы вдвоем.

Мне это почему-то льстило.

На правах доверенного лица я все же как-то сказала ему:

— Ты — бабник! Или, мягче говоря, ветреник...

— В каком смысле... ветреник?

— А в том, что сегодня клянешься, а через неделю — ищи ветра в поле!

Девочки искали его не в поле, а по телефону или возле подъезда. Алеша, как уверяли, был «весь в отца»: строен и притягателен. Девочки притягивались к нему столь прочно, что оттягивать иногда приходилось с моей помощью. «Создан для любви, — думала я. И вздрагивала: — А еще для чего он создан?» Отец-то звался доктором физико-математических наук! Если он и был расчетлив, то исключительно в расчетах математических. Если мечтал, то о новых открытиях в «физике твердых тел» (но отнюдь не женских!). А коль был влюблен, то в меня...

Алеша упоенно следил за своей внешностью, а муж — за прогрессом науки. Ни на репутации его, ни на его ко-